

НИЖЕГОРОДСКИЙ ЛИСТОКЪ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И БИРЖЕВАЯ ГАЗЕТА

Редакція та контора: Велика, Покровка, дім Пришпінатихова. Телефон № 272.

Цяга номера аз роз. про

Плата за объявление: текстом 20 к. за строку, ростом текста 10 к. за строку. Объявления ивсичащныма в годовом по особому шкиму.

Рукописи подлежат, в зависимости от сокращения и титла. Статьи, принадлежащие к значительным условиям генерала, или беззачетны. Все рукописи для редакции и только, малая часть, не

Рукописи, присланные
дакцию, должны быть обе-
именовать, фамилий и адре-

Котора редакція отк
пріема подписки и обяза
тельно съ 10 ч. утра до
Редакция для личнаго об
открыта отъ 1 ч. до 5 ч.

Произведения Чехова за-границею.

Разсказами автора „Хмурыхъ людей“ зачитываются интеллигентные круги заграницею уже нѣсколько лѣтъ, каждое новое произведение русскаго автора переводилось немедленно, въ особенности на нѣмецкій языкъ, и встрѣчалось интеллигентными читателями съ великою радостью, какъ крупное литературное событіе, вызывало критическіе разборы и разсужденія, споры и разговоры,—словомъ Чеховъ причисленъ былъ уже при жизни къ тѣмъ немногимъ корифеямъ литературы, которымъ имѣютъ право на званіе „мировыхъ“.

Особенною популярностію пользовался Чеховъ въ Германіи. Число отдѣльно изданныхъ сборниковъ разсказовъ Чехова на нѣмецкій языкъ достигаетъ многихъ десятковъ, и всѣ изданія пользуются громаднымъ успѣхомъ. „Tscheschhoff, Tscheschhoff und kein Ende!“—воскликаетъ берлинскій критикъ Штюмеръ, отмѣчая громадный успѣхъ Чехова въ германскихъ библіотекахъ для чтенія, гдѣ чеховскія книги разбираются нарасхватъ. „Онъ вторгнулся къ нѣмецкую литературу и, забѣгая, гдѣ онъ только гость, вытѣсняетъ изъ нея законныхъ хозяевъ, нѣмецкихъ беллетристовъ“,—продолжаетъ критикъ, удивляясь, какъ это „миніатюристъ“, какимъ является Чеховъ въ своихъ разсказахъ, могъ обратить на себя такое вниманіе рядомъ съ творцами громадныхъ литературныхъ полотенъ...

Въ то время, какъ Горькимъ увлекается преимущественно нѣмецкая молодежь, Чеховъ вызвалъ восторженное удивленіе болѣе зрѣлыхъ людей, и притомъ самихъ читателей, нежели критики. О Горькомъ написаны по-нѣмецки цѣлыя сотни разборовъ и рецензій; о Чеховѣ—лишь десятки, но среди читающей публики, судя по отчетамъ нѣмецкихъ библіотекъ для чтенія, оба писателя, представители новѣйшей русской беллетристики, пользуются одинаковою популярностію.

Началась популярность Чехова въ Германіи сравнительно недавно. Лѣтъ десять назадъ Чехова почти не знали въ Германіи, а теперь каталоги нѣмецкихъ книгъ полны чеховскими книгами.

Менѣе популяренъ Чеховъ во Франціи, потому что французы, вообще, равнодушны къ иностраннымъ писателямъ за исключеніемъ такихъ, которые открываютъ новые горизонты, новые взгляды, вродѣ гр. Л. Н. Толстого. Французская критика, въ особенности въ лицѣ Мельхіора-де-Вогюэ, Жюля Леметра и др., старались выяснить французамъ особенности чеховскаго таланта, но вызвать, оживить интересъ къ автору: „Пестрыхъ разсказовъ“ она пока не сумѣла. Говоримъ пока, потому что несомнѣнно „время Чехова“ во Франціи еще придетъ: признанный уже теперь критикою, онъ, несомнѣнно, займетъ у французовъ мѣсто рядомъ съ Мопассаномъ, несмотря на существенное различіе между ними.

Переведенъ Чеховъ и на англійскій, и на итальянскій, и на чешскій, и польскій языки. Выпускъ нѣсколькихъ изданій cadaго перевода показываетъ, что Чехова читаютъ. Особенно любятъ его чехи.

Популярность Чехова заграницею основана на его беллетристическихъ произведеніяхъ. Драматическія произведенія Чехова, за исключеніемъ Германіи, мало извѣстны заграницею. Да и въ самой Германіи, гдѣ сдѣланы были попытки ставить чеховскія пьесы, послѣднія не имѣли успѣха. Своеобразный „чеховскій пессимизмъ“ и характерная „тоска по идеалу“, которыми полны лучшія пьесы Чехова, не вполне доступны пониманію большинства довольныхъ, жизнерадостныхъ нѣмецкихъ бюргеровъ. Лучшій отзывъ о „Трехъ сестрахъ“ и „Дядѣ Ванѣ“ далъ тотъ берлинскій рецензентъ, который сказалъ: „Все это очень красиво, но слишкомъ по русски; въ устахъ нѣмецкихъ актеровъ, даже въ нѣмецкой рѣчи все это звучитъ для нѣмцевъ чѣмъ-то чужимъ, непонятнымъ“. Оттого-то въ репертуарѣ нѣмецкихъ театровъ пьесы Чехова удержаться не могли. (Нов.)